

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2024. № 5 (107).
Political Linguistics. 2024. No 5 (107).

УДК 81'42+811.161.1'38+811.581'38
ББК Ш105.51+Ш141.12-55+Ш171.1-55

ГРНТИ 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Ван До

Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай, duflduo1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>

Сравнительный анализ директивных речевых актов в русском и китайском политических дискурсах

АННОТАЦИЯ. Директивные речевые акты являются типичной чертой политического дискурса. Речевые акты запроса, совета и речевые акты приказа являются на данный момент оптимальными классификационными группами для реализации директивных речевых актов. Эти три типа речевых актов различаются по степени выраженности речевой власти и силы, а также по прямоте и косвенности их реализации. Это играет различную роль на прагматическом уровне, особенно на социально-прагматическом уровне. В данном исследовании рассматриваются политические директивные речевые акты, чтобы выявить различия и сходства в прагматических особенностях и функциях директивных речевых актов, используемых главами государств Китая и России. Исследование показывает, что российские главы государств чаще используют запросные и советующие речевые акты, которые характеризуются слабой речевой властью и силой, тогда как китайские главы государств чаще используют приказы, отличающиеся высокой речевой властью и силой. На прагматическом уровне использование политических директивных речевых актов в России больше подчеркивает равенство в отношениях между начальством и подчиненными, тогда как в Китае директивные речевые акты больше подчеркивают «партийное руководство всем».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, директивные речевые акты, прагматическая функция, речевая власть, речевая сила, политические деятели, русский язык, китайский язык, политические тексты, сравнительное языкознание, языковые средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ван До, аспирант, Даляньский университет иностранных языков; 116044, Китай, провинция Ляонин, г. Далянь, Люйшуньское шоссе, 6; email: duflduo1998@gmail.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при поддержке научного проекта по теме «Сравнительный анализ директивных речевых актов между русским и китайским политическими дискурсами», утвержденного ДУИЯ, номер объекта: YJSCX2024-010.

本文系2024年度大连外国语大学研究生创新项目“中俄领导人话语中政治指令性言语行为对比研究”(课题编号 YJSCX2024-010)的阶段性成果。

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, До. Сравнительный анализ директивных речевых актов в русском и китайском политических дискурсах / Ван До. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 5 (107). — С. 274-281.

Wang Duo

Dalian University of Foreign Languages, Dalian, China, duflduo1998@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4521-7382>

Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses

ABSTRACT. Directive speech acts are typical of political discourse. The speech acts of request, advice, and command currently make up optimal classification groups in which directive speech acts are realized. These three types of speech acts differ in the degree of expression of authority and power, as well as in the direct or indirect way of their realization. This plays a varying role at the pragmatic level, especially at the socio-pragmatic one. This study examines political directive speech acts in order to identify the differences and the similarities of the pragmatic features and functions of directive speech acts used by the heads of state of China and Russia. The research shows that Russian heads of state more frequently use speech acts of request and advice, which are characterized by weak speech authority and power, whereas Chinese heads of state more often use commands, distinguished by strong speech authority and power. On the pragmatic level, the use of political directive speech acts in Russia rather emphasizes equality in the relationships between the leaders and the rank and file, whereas in China, directive speech acts sooner emphasize “party leadership in everything.”

KEYWORDS: political discourse, directive speech acts, pragmatic function, speech authority, speech power, politicians, Russian language, Chinese language, political texts, comparative linguistics, language means.

AUTHOR'S INFORMATION: Wang Duo, Post-Graduate Student, Dalian University of Foreign Languages, Liaoning, Dalian, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been accomplished with financial support of the 2024 scientific project of Dalian University of Foreign Studies “Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses”, Project No. YJSCX2024-010.

FOR CITATION: Wang Duo. (2024). Comparative Analysis of Directive Speech Acts in Russian and Chinese Political Discourses. In *Political Linguistics*. No 5 (107), pp. 274–281. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Директивные речевые акты типичны для политического дискурса. В своей книге «Исследования по теории речевых актов» Д. Сёрл [Searle 1979] определяет директивные речевые акты как попытки говорящего побудить слушающего сделать что-то («directives consists in the fact that they are attempts by the speaker to get the hearer to do something») и утверждает, что приказы являются важной частью директивных речевых актов. Что касается классификации директивных речевых актов и критериев этой классификации, Д. Сёрл не дал точного объяснения, полагая, что их можно разделить по цели или силе воздействия, и лишь условно, не исчерпывая тему, привел некоторые примеры, разделив директивные речевые акты на приказы, требования, просьбы, мольбы, разрешения, предложения и т. д., и утверждал, что вопросы также являются формой директивных актов. Цель данной статьи заключается в исследовании способов реализации приказов как формы директивных речевых актов в дискурсе двух глав государств.

С момента, когда Д. Сёрл предложил концепцию директивных речевых актов, их исследование привлекло широкое внимание в области прагматики. Ч. Крейдлер [Kreidler 1998: 183–194] делит директивные речевые акты на три категории: приказы, запросы и советы. Приказы подразумевают контроль говорящего над слушающим и включают такие средства, как установления, требования и запреты. Запросы представляют собой речевые формы, в которых говорящий «выражает надежду», что слушающий предпримет действия, и включают такие средства, как просьбы, надежды и желания. Кроме того, советы — это речевые формы, в которых говорящий предлагает рекомендации или мнения либо просит других предоставить советы и мнения по какому-либо вопросу, они включают такие средства, как рекомендации, выражение мнений и советов. Аллан Кит [Keith 1986] изучал директивные речевые акты с точки зрения условий их выполнения, искренности и других применимых условий, а также иллокутивных сил, и далее делил их на запросы, вопросы, требования и запреты. Уильям Альстон [Alston 2000] также классифицировал директивные речевые акты, включая в их число запросы, просьбы, приказы, запреты, советы, рекомендации, предложения и требования. Х. Кларк и Т. Карлсон [Clark, Carlson 1991] предложили для описания директивных речевых актов концепцию

«совместных действий» (joint act), объясняя, что совместные действия — это сознательное координирование для достижения коммуникативной цели. Некоторые исследователи также изучали директивные речевые акты с точки зрения грамматических правил и структурных характеристик [Leech 1983]. П. Браун и С. Левинсон (P. Brown, S. Levinson) считают, что использование директивных речевых актов может угрожать «лицу» слушающего, что тесно связано с вежливостью.

Китайские ученые достигли определенных успехов в исследовании директивных речевых актов, но основное внимание сосредоточено на функции команд в китайских императивных предложениях, специализированных корпусах данных и теоретических аспектах анализа директивных речевых актов. Фан Цзи [Фан Цзи 1999] провел прагматическое исследование китайских императивных предложений с точки зрения речевых актов. Он считает, что директивные высказывания используются для выражения желания говорящего, чтобы слушающий сделал что-то или не делал, или для совместных действий. Хун Бо [Хун Бо 2000] исследовал китайские императивные предложения, анализируя выражение косвенных указаний в китайском языке. Его исследование имеет определенное значение для изучения косвенных указаний, но не учитывало теорию речевых актов. Цао Чжунцзюнь и Чи Лин [Цао Чжунцзюнь, Чи Лин 2001] использовали теоретический каркас концепции Сёрла о косвенных речевых актах и считают, что с прагматической точки зрения императивные предложения применяются для осуществления команд. Чжао Вэй [Чжао Вэй 2005] систематически изучал китайские команды и императивные предложения, также исследуя прямые и косвенные формы указаний в китайском языке. Ли Чэнтун исследовал управление лицом и конструирование идентичности в ответах на команды и запросы между китайцами, японцами и американцами с точки зрения управления лицом и конструирования идентичности. Особое внимание заслуживает исследование Чжоу Ли и Юй Цзэшуня [Чжоу Ли, Юй Цзэшунь 2022]: путем анализа категорий утверждений, команд и обязательств в китайских торговых белых книгах они объясняют выстраивание в данных документах моральных позиций Китая. Эта работа также стала первым применением китайскими учеными теории директивных речевых актов в политическом тексте. На данный момент нет литературы, посвященной сравнительному

исследованию директивных речевых актов у китайских и российских лидеров.

Д. Сёрл разделяет речевые акты на прямые и косвенные. Д. Остин называл предложения, описывающие что-то, «описательными предложениями», а выражающие намерения — «перформативными предложениями». Д. Сёрл считает, что помимо прямого использования перформативных предложений, когда говорящий выбирает глагол действия напрямую, он может использовать косвенные языковые средства для осуществления определенного действия. Использование косвенных средств для выражения речевого акта называется косвенными перформативными предложениями или косвенными речевыми актами. Косвенные речевые акты делятся на условно-косвенные и не прямые. Фань Сяолин [Фань Сяолин 2011] считает, что директивные речевые акты направлены на «получение» действий других. В зависимости от акцента на речевые права действующего лица они делятся на «приказы», «просьбы» и «предложения». Приказы подчеркивают силу и власть собственных речевых прав, просьбы подчеркивают власть и силу собеседника, предложения неопределенны в отношении силы и власти речевых прав участников коммуникации. В зависимости от силы директива они также делятся на «сильные директивы», «обычные директивы» и «слабые директивы». «Сильные директивы» и «слабые директивы» представляют собой формы директивных речевых актов, выраженных через «косвенные речевые акты», зависящие от контекста общения. На основе представленного выше исследования данных и содержания составлена схема, приведенная на рис. 1.

2. ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Таким образом, цель данной работы заключается в выявлении прагматических средств, используемых руководителями Китая и России при осуществлении директивных речевых актов для утверждения своей

речевой и властной позиции. Оптимальность данной теоретической рамки состоит в том, что она одновременно учитывает языковой уровень выражения, реализацию речи и социальные отношения, соответствующая трехмерной аналитической модели критического анализа речи, предложенной Фейрклоу.

Настоящее исследование концентрируется на следующих проблемах:

- Посредством каких прагматических стратегий реализуются на языковом уровне политические директивные речевые акты в коммуникации в сравнении между Китаем и Россией в командах, предложениях и запросах?

- Какие стратегии политических директивных речевых актов существуют в Китае и России, в чем состоят их сходства и различия?

- Какие прагматические аргументы и образцы властной идентичности выражаются через различия и сходства в политических командах в сравнении между Китаем и Россией?

Методология исследования представляет собой комбинацию качественного и количественного подходов. Поскольку директивные речевые акты тесно связаны с использованием и контекстом, автоматизированная компьютерная идентификация директивных речевых актов оказывается невозможной. Идентификация директивных речевых актов в данной работе производится полностью вручную: автор в сотрудничестве с двумя другими докторами филологии изучает каждый контекст с директивными речевыми актами. Мы обнаружили, что в путинском Послании Федеральному собранию директивные речевые акты обычно проявляются в том, что Президент заявляет о поддержке отдельных людей, государственных структур, предприятий и других субъектов в будущем — это кажется обещанием для народа, но на самом деле это значит, что соответствующие организации или люди должны взять на себя исполнение директив Президента. Или Президент заявляет о том, что определенная политика будет продол-

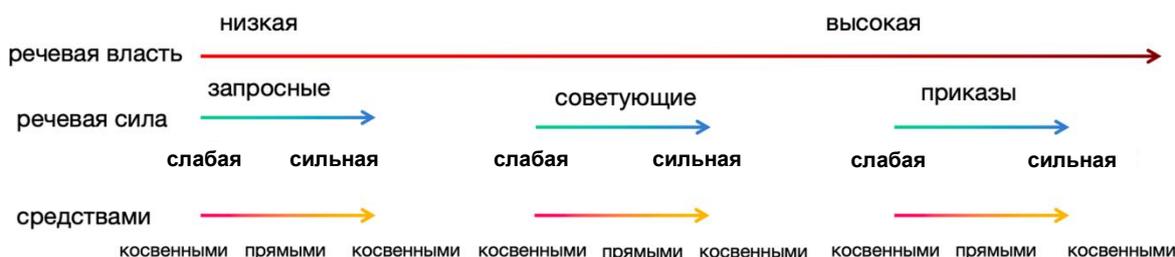

Рис. 1

Таблица 1

Маркеры иллокутивной силы в выступлениях на русском языке

Категория	Маркеры иллокутивной силы	Частота	Процент
приказы	1. Императив (7): <i>Запускайте / зарабатывайте / вкладывайте / инвестируйте / помогайте / сделаем / защитим</i> 2. Подчеркивание (12): <i>Еще раз / подчеркнуть / одним из приоритетов / отмечу / важно / Обращаю внимание</i> 3. Миссия: – (5): <i>должен / нужно / потребуется / нужна</i> – (11): <i>предстоит / надо / должны / потребуется / Нужно</i> 4. Миссия: – (3): <i>Необходимо</i> – (4): <i>Необходим / вынужден</i> 5. Будущее: – (16): <i>Будем / убежден / Уверен / продолжим / Рассчитываю</i> – (8): <i>В наших планах / планируется / будет / будут</i>	66	71%
советующие	<i>Предлагаю / предлагается (8)</i>	8	8%
запросные	<i>Поручаю / прошу (19)</i>	19	21%

жена — это, в свою очередь, также означает, что от соответствующих лиц требуется выполнение определенных политических действий. В аспекте времени директивные речевые акты обычно демонстрируют, что высший руководитель приказывает действовать в будущем, поэтому описание достигнутых результатов вряд ли возможно.

3. СТАТИСТИКА И АНАЛИЗ ДАННЫХ

Таким образом, мы обобщаем все маркеры иллокутивной силы (illocutionary force indicating devices) в речах президента Путина путем трехсторонней проверки (см. табл. 1).

Из данных таблицы видно, что в директивных речевых актах президента Путина наиболее часто использовались средства неявного указания в командных высказываниях, встретившиеся 66 раз, что составляет 71 % от общего числа. Помимо стандартных директивных конструкций, таких как «должен» и «необходимо», были также использованы и другие косвенные способы выражения командного характера. Наибольшее количество таких высказываний относится к категории «будущего», например, «что мы будем делать в будущем» или «что правительство планирует сделать в будущем», которые встретились 24 раза, что составляет 25 %. Например: «Будем развивать порты Чёрного и Азовского морей». Несмотря на то что конструкции вроде «мы будем...» могут казаться самообязывающими высказываниями, они фактически указывают на будущую работу соответствующих департаментов, например, связанных с инфраструктурным строительством. В категории командных высказываний также заметно преобладают высказывания с элементом «акцентирования», которые встретились 12 раз. Например: «В этой связи хочу подчеркнуть, что как местные и региональные выборы в сентябре

этого года, так и президентские выборы в 2024 году пройдут в строгом соответствии с законом, с соблюдением всех демократических и конституционных процедур». В данном контексте использование президентом высказываний с элементом «акцентирования» направлено на передачу директивных указаний соответствующим органам о необходимости уделить особое внимание демократическим и равноправным аспектам избирательного процесса.

Помимо командных высказываний, самым частым способом указания силы слова в односторонних указательных высказываниях является использование выражений с просьбой, которые встречаются чаще всего и составляют 19 случаев, что составляет 21 % от общего числа. Среди них выражение «Я прошу...» встречается 17 раз, а «Поручаю...» — два раза. Например: «Прошу Общероссийский народный фронт взять все вопросы, связанные с изменениями в сфере высшего образования, на особый контроль». В качестве высшего государственного деятеля президент при указании органам государственного управления часто использует выражения с просьбой, что является особенностью российской политической культуры.

Три типа речевых актов, в которых рекомендации являются наиболее редкими, встречаются всего 8 раз, составляя 8 %. Например: «Я предлагаю с 1 января следующего года, в дополнение к запланированному повышению, провести еще одно — на дополнительные 10 процентов». В директивных речевых актах, осуществленных президентом, использование варианта рекомендации речевых актов также характерно для российской политической культуры и является основным предметом исследования этой статьи, так же как и использование прошедших речевых актов. В директивных

Таблица 2

Маркеры иллокутивной силы в выступлениях на китайском языке

Категория	Маркеры иллокутивной силы	Частота	Процент
приказы	1. Будущее: <i>будем</i> (5) 2. Миссия: <i>должны</i> (10)/ <i>Следует</i> (7)/ <i>Предстоит</i> (3) 3. Миссия: <i>Необходимо</i> (25) 4. Подчеркивание: <i>Важно</i> (2)/ <i>Делать упор на</i> (1)	53	100%
советующие	0	0	0%
запросные	0	0	0%

речевых актах президента приказы должны быть важными составляющими, но значительная доля также приходится на прошедшие речевые акты и рекомендации.

В китайском языке политические директивные речевые акты являются довольно специфическими. В докладе о работе правительства премьер-министра Ли Кэцяна в 2023 г. все директивные речевые акты используют слово «яо» в качестве средства указания силы речевого акта или прямо используют структуру «подлежащее-сказуемое» без актора и других модификаторов, что также соответствует привычной в китайском языке модели выражения, но не соответствует грамматическим правилам русского языка. Поэтому речевые акты приказа составляют 100 % китайских политических директивных речевых актов. Однако при переводе на русский язык это средство указания силы речевого акта передается в 4 версиях, упорядоченных по степени силы: «необходимо», «должны», «следует», «предстоит», «будем», «важно». Самым частым является вариант «необходимо», составляющий 52 % от общего числа директивных речевых актов, например: «Необходимо рассматривать восстановление и расширение потребления как приоритетное направление работы». В китайских политических текстах предложения, которые напрямую используют структуру «подлежащее-сказуемое» без субъекта и других модификаторов, часто имеют значение императивного наклонения, то есть включают определенное значение приказа, поэтому при переводе на русский язык добавляется «необходимо» в качестве средства указания силы речевого акта. Затем следует «должны», которое встречается 20 раз и составляет 38 %, например: «Мы должны концентрировать высококачественные ресурсы и силы на освоении основных ключевых технологий»; это предложение начинается с конструкции «要 + подлежащее-сказуемое» для выражения приказа, переводится как «мы должны», с добавлением актора. Но такая обработка может быть неправильной. В процессе перевода, если в оригинале нет явного «мы должны...», используется обработка приказного средства указания силы

речевого акта и структура подлежащего-сказуемого, т. е. субъект не появляется. Если переводчик намеренно добавляет дополнительные элементы перевода, это может привести к ошибочному пониманию отношений властей и ответственности соответствующих департаментов. Рекомендации и просьбы в китайских политических директивных речевых актах не встречаются. Видно, что средства указания силы речевого акта китайских политических директивных речевых актов явно демонстрируют приказные речевые акты с доминирующим позиционированием социальных властных отношений.

Как уже упоминалось в предыдущем тексте, при выражении политических директивных речевых актов выбор конкретного типа средства выражения включает в себе статус говорящего и слушающего, а также отношения власти. Использование приказных речевых актов обладает наибольшим удельным весом речевой власти, рекомендации — вторые по значению, а просьбы занимают последнюю позицию. В каждом типе речевых актов косвенные речевые акты обладают наибольшей или наименьшей силой, а прямые речевые акты следуют за ними. Согласно этому, политические директивные речевые акты политиков России слабее отражают величины властных отношений верхних и нижних уровней, по сравнению с политическими директивными речевыми актами Китая.

Сначала рассмотрим приказные речевые акты. В Китае пропорция использования приказных речевых актов для выражения директивных речевых актов значительно выше, чем в России, и доля использования сильных прямых речевых актов в Китае также гораздо выше, чем в России. Примером может служить «Необходимо», которое встречается всего 7 раз и составляет 7 % в русских политических директивных речевых актах; в китайских политических директивных речевых актах это слово встречается 25 раз, составляя 47 %, что примерно в 7 раз больше. В частности, приказные речевые акты могут быть реализованы как посредством прямых, так и косвенных средств, и сила речевого акта в русских политических директивных речевых актах значительно ниже,

чем в китайских политических директивных речевых актах.

Во-вторых, в речевых актах рекомендаций и просьб, имеющих более низкий уровень речевой власти, эта разница еще более заметна. Эти два типа речевых актов составляют около 30 % в русских политических директивных речевых актах, в то время как в китайских политических директивных речевых актах они вообще не встречаются. Это также подчеркивает различия между китайскими и российскими политическими директивными речевыми актами и различия в политической культуре, лежащие в их основе.

Политические директивные речевые акты на русском языке более разнообразны, как в плане речевой власти, так и в плане речевой силы и языковой реализации, чем политические приказные речевые акты на китайском языке. Поэтому они также могут содержать больше ценностных коннотаций и передавать более глубокий смысл.

4. ПРАКТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КИТАЯ И РОССИИ

Как уже упоминалось выше, политические директивные речевые акты могут быть реализованы приказными, рекомендательными и прошедшими речевыми актами, каждый из которых имеет свои особенности в аспекте прагматики, силы речевого акта и речевой власти. Директивные речевые акты, как речевые акты, призванные заставить другого человека что-то делать, неизбежно угрожают самоуважению реципиента и часто считаются речевыми актами с более низким уровнем вежливости. Поэтому степень угрозы самоуважению слушателя может показать взаимоотношения по статусу и позиции между лидером и слышащим. В этом разделе мы рассмотрим с учетом трех указанных углов зрения, как лидеры обеих стран используют политические директивные речевые акты для выдачи приказов и как они формируют отношения власти между лидерами и подчиненными органами на языковой прагматической и социальной прагматической характеристиках.

С языковой прагматической стороны, во-первых, российские лидеры чаще всего используют речевые акты с незначительной силой, такие как косвенные приказные, прямые рекомендации и прямые просьбы. Президент Путин предпочитает использовать косвенные приказные речевые акты, связанные с «будущим». Когда он выражает требования и направления для будущих планов соответствующих ведомств, президент широко использует форму «мы будем», напри-

мер: *Будем и дальше увеличивать минимальный размер оплаты труда, причём темпами выше инфляции и роста зарплат. С начала текущего года МРОТ проиндексирован на 6,3 процента.*

Здесь речь идет о политических директивных речевых актах, принадлежащих к приказным. Фраза «мы будем...» значительно ослабляет силу приказного речевого акта, превращая приказы президента, выданные различным правительственным органам, в адресованные «нам», т. е. переводя их в общую ответственность президента и различных органов власти, ставя президента на равный с правительственными органами план. В политических директивных речевых актах Китая также существуют аналогичные формулы, например: *Будем оказывать поддержку Сянгану и Аомэню в развитии экономики и улучшении жизни народа, поддерживать их долгосрочное процветание и стабильность.*

Однако, в отличие от России, политики Китая используют косвенные приказные речевые акты реже, а в основном применяют прямые приказные речевые акты, например: Необходимо углублять реформу финансовой системы, совершенствовать систему финансового контроля и управления, строго закреплять ответственность всех сторон, предотвращая возникновение региональных и системных финансовых рисков.

В политических директивных речевых актах в Китае часто используется конструкция «Необходимо...» для более прямого выражения приказных речевых актов. В китайском языке эта конструкция составляет 51 % от всех приказных речевых актов, в то время как на русском языке она составляет всего 10,2 %. Это показывает, что китайские лидеры чаще используют директивные речевые акты с сильным весом.

Во-вторых, в рекомендательных и прошедших речевых актах выбор средств речи более явно демонстрирует речевую власть, то есть отношения власти. В китайских политических директивных речевых актах рекомендации и просьбы не встречаются, согласно рисунку 1, сила и речевая власть рекомендаций и просьб ниже, чем у приказных речевых актов. Это еще раз подтверждает, что китайские лидеры при выдаче политических приказов больше подчеркивают свое высокое политическое положение, в то время как российские лидеры больше подчеркивают общую ответственность.

На социально-прагматическом уровне, т. е. на уровне межличностных отношений, воплощенных в директивном речевом акте, китайские политические директивные речевые акты более четко выделяют угрозу «ли-

ца» в своих особенностях, в то время как российские политические директивные речевые акты сосредоточены на поддержании вежливости. Однако цель директивных речевых актов и в России, и в Китае одинакова — призвать власти к выполнению тех директив, которые лидеры выражают в своей речи. Однако, учитывая различие политических культур двух стран и разное восприятие собственной идентичности, существует явное различие в лингвистическом подходе, используемом руководителями. В Китае большее внимание уделяется «руководству КПК», а премьер, как глава правительства КНР и высшее лицо, отвечающее за политические дела страны, обладает абсолютным авторитетом. 13 апреля 2023 года во время визита в Гуандун генсек Си Цзиньпин четко потребовал начать тематическое обучение по изучению и реализации «Идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой для новой эры». Выдвинул четкие требования: «Если у Центрального комитета партии нет авторитета, теории, пути и политика партии могут произвольно не выполняться, и каждый идет своим путем и делает то, что хочет, а если не хочет делать то, что хочет, то партия превратится в рассыпанный песок, станет „частным клубом“, который действует сам по себе, руководство партии станет пустой фразой». Придерживаться руководства партии — это прежде всего придерживаться централизованного и единого руководства Центрального комитета партии; защищать авторитет партии — это прежде всего защищать авторитет Центрального комитета партии. Поэтому использование большого количества директивных речевых актов командного типа характерно для китайской политической культуры.

Согласно Конституции Российской Федерации и Федеральному конституционному закону № 2 от 17 декабря 1997 года «О правительстве Российской Федерации» [Смушкин 2007], президент Российской Федерации обеспечивает согласованность работы правительства с другими государственными органами и их взаимное сотрудничество. Взаимодействие с другими органами должно пониматься как согласованное планирование деятельности, обсуждение рабочих вопросов, совместное решение проблем и обмен информацией. Согласно Конституции Российской Федерации, обязанность президента заключается в «согласовании». Поэтому их отношения не являются строго вертикальными, как в Китае. В политической культуре России президент и все уровни правительства равны, работая в рамках общей цели. Поэтому в политических дирек-

тивных речевых актах в России чаще встречаются речевые акты просьбы или приказа, такие как «я прошу», «я поручаю» и рекомендации, такие как «я предлагаю». С точки зрения речевых средств, силы речевого акта и речевой власти они ниже, чем в политических директивных речевых актах Китая.

Политические директивные речевые акты являются очень сложным коммуникативным феноменом, который включает в себя разнообразие средств речи, силы речевого акта и речевой власти, и исследования в этой области еще только начинаются. В данной статье используются количественные описания и качественные объяснения в роли методов исследования, направленного на сравнение и анализ способов реализации политических директивных речевых актов в дискурсах Китая и России, а также политических культур, которые они отражают, с точки зрения языковой и социальной практики. Это исследование имеет определенное значение для политологии, лингвистики или работ в области преподавания перевода. В дальнейших исследованиях следует совершенствовать ряд аспектов, а именно: во-первых, увеличивать масштаб корпуса. Из-за большой работы по аннотации корпуса в статье в качестве объекта исследования выбраны материалы за один год, в будущем их можно расширить до материалов за несколько лет, что позволит осуществить диachроническое исследование. Также тематика политических материалов может быть расширена за счет привлечения политических интервью, ответов МИДа на вопросы журналистов и т. д. Второй аспект — методы исследования: перед аннотированием члены команды должны несколько раз осуществить координацию действий и предварительное аннотирование, чтобы достичь лучших результатов. Третий аспект — глубокое исследование политических директивных речевых актов также должно учитывать другие факторы прагматической вариативности, такие как возраст, пол, социальный статус, образовательный фон и т. д., чтобы увеличить количество граней представления динамичности политических текстов и их межличностных функций, обеспечив стимул для международного распространения дискурса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 李成团. 中日美命令/请求言语行为回应中关系管理与身份建构的对比研究. — 外语与外语教学: 2013(02):51-55. = 李成团. Сравнительное исследование управления отношениями и построения идентичности в ответах на речевые акты команд/просьб в Китае, Японии и США / 李成团. — Текст: непосредственный // Иностранные языки и их преподавание. — 2013. — № 02. — С. 51–55. — (На кит. яз.).
2. 洪波. 汉语祈使句委婉程度的表达. — 滨州教育学院学报: 2000(02):57-59. = Хун Бо. Выражение степени вежливости

в китайских императивных предложениях / Хун Бо. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического института Биньчжоу. — 2000. — No 02. — С. 57–59. — (На кит. яз.).

3. 曹忠军 祈玲. 现代汉语祈使句的语用研究. — 喀什师范学院学报: 2001(04):63-67. = Цао Чжунцзюнь, Ци Лин. Прагматическое исследование императивных предложений в современном китайском языке / Цао Чжунцзюнь, Ци Лин. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического института Кашгар. — 2001. — No 04. — С. 63–67. — (На кит. яз.).

4. 卓丽 尤泽顺. 中方贸易白皮书之国家道义立场构建. — 当代外语研究: 2022(06):95-105. = Чжоу Ли, Юй Цзэшунь. Построение моральной позиции государства в Белой книге по торговле Китая / Чжоу Ли, Юй Цзэшунь. — Текст : непосредственный // Современные исследования иностранных языков. — 2022. — No 06. — С. 95–105. — (На кит. яз.).

5. 赵微. 两类祈使句的体特征及其对否定的影响. — 南京师范大学学报: 2005(03):151-155+160. = Чжао Вэй. Аспектуальные особенности двух типов императивных предложений и их влияние на отрицание / Чжао Вэй. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического университета Нанкин. — 2005. — No 03. — С. 151–155+160. — (На кит. яз.).

6. 樊小玲. 指令类言语行为构成的重新分析. — 华东师范大学学报: 2011(01):144-149. = Фань Сяолин. Повторный анализ составления директивных речевых актов / Фань Сяолин. — Текст : непосредственный // Вестник Педагогического университета Восточного Китая. — 2011. — No 01. — С. 144–149. — (На кит. яз.).

7. 方舜. 现代汉语祈使句的语用研究. — 语文研究: 1999(04): 14-18. = Фан Ци. Прагматическое исследование императивных предложений в современном китайском языке / Фан Ци. — Текст : непосредственный // Лингвистические исследования. — 1999. — No 04. — С. 14–18. — (На кит. яз.).

8. Смушкин, А. Б. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» / А. Б. Смушкин. — Москва : [б. и.], 2007. — Текст : непосредственный.

9. Alston, William P. Illocutionary Acts and Sentence Meaning / William P. Alston. — Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press ; Ithaca and London : Cornell University Press, 2000. — 54 p. — Text : unmediated.

10. Brown, Penelope. Politeness. Some Universals in Language Usage / Penelope Brown, Stephen C. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1987. — Text : unmediated.

11. Clark, H. H. Speech Acts and Hearer's Beliefs / H. H. Clark, T. B. Carlson. — Oxford University Press, 1991. — Text : unmediated.

12. Keith, Allan. Linguistic Meaning / Allan Keith. — London : Routledge and Kegan Paul, 1986. — 54 p. — Text : unmediated.

13. Kreidler, C. Introducing English Semantics / C. Kreidler. — New York : Routledge, 1998. — 332 p. — Text : unmediated.

14. Leech, G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London ; New York : Longman, 1983. — 54 p. — Text : unmediated.

15. Searle, J. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts / J. Searle. — Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 1979. — 54 p. — Text : unmediated.

16. Stephen, K. Genre Criticism and Historical Context: The Case of George Washington's First Inaugural Address / K. Stephen. — Text : unmediated // Southern Communication Journal. — 1986.

REFERENCES

1. Li, Chengtuan (2013). A Comparative Study on Relationship Management and Identity Construction in Responses to Commands/Requests in Sino-Japanese-American Contexts. *Foreign Languages and Their Teaching*, 02, 51–55.

2. Hong, Bo (2000). Politeness Degrees in Chinese Imperative Sentences. *Journal of Binzhou Education Institute*, 02, 57–59.

3. Cao, Zhongjun, & Qi Ling (2001). Pragmatic Study on Modern Chinese Imperative Sentences. *Journal of Kashgar Teachers College*, 04, 63–67.

4. Zhuo, Li, & You, Zeshun (2022). Constructing National Moral Positions in China's Trade White Paper. *Contemporary Foreign Language Studies*, 06, 95–105.

5. Zhao, Wei (2005). Aspectual Characteristics of Two Types of Imperative Sentences and Their Impact on Negation. *Journal of Nanjing Normal University*, 03, 151–155+160.

6. Fan, Xiaoling (2011). Reanalysis of the Construction of Directive Speech Acts. *Journal of East China Normal University*, 01, 144–149.

7. Fang, Ji (1999). Pragmatic Study on Modern Chinese Imperative Sentences. *Language Studies*, 04, 14–18.

8. Smushkin, A.B. (2007). *Kommentariy k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu ot 17 dekabrya 1997 g. N 2-FKZ «O Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii»*. Moscow, 2007. (In Russ.)

9. Alston, William P. (2000). *Illocutionary Acts and Sentence Meaning*. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press ; Ithaca, London : Cornell University Press, 2000. — 54 p.

10. Brown, Penelope, & Levinson, Stephen C. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

11. Clark, H.H., & Carlson, T.B. (1991). *Speech Acts and Hearer's Beliefs*. Oxford University Press.

12. Keith, Allan (1986). *Linguistic Meaning*. London: Routledge and Kegan Paul, 54 p.

13. Kreidler, C. (1998). *Introducing English Semantics*. New York: Routledge.

14. Leech, G.N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, New York : Longman, 54 p.

15. Searle, J. (1979). *Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 54 p.

16. Stephen, K. (1986). Genre Criticism and Historical Context: The Case of George Washington's First Inaugural Address. *Southern Communication Journal*.